

Возвращение — эпизод 9 из 12

Петрушка понял мать и начал храпеть. Затем мать ушла обратно, и он услышал ее голос:

Наверно, любил. Он смотрел на меня умильно, я видела, а какая я разве я хорошая теперь? Несладко ему было, Алеша, и кого-нибудь надо было ему любить.

Ты бы его хоть поцеловала, раз уж так у вас задача сложилась, по-доброму произнес отец.

Ну вот еще! Он меня сам два раза поцеловал, хоть я и не хотела.

Зачем же он так делал, раз ты не хотела?

Не знаю. Он говорил, что забылся и жену вспомнил, а я на жену его немножко похожа.

А он на меня тоже похож?

Нет, не похож. На тебя никто не похож, ты один, Алеша.

Я один, говоришь? С одного-то счет и начинается: один, потом два.

Так он меня только в щеку поцеловал, а не в губы.

Это все равно куда.

Нет, не все равно, Алеша... Что ты понимаешь в нашей жизни?

Как что? Я всю войну провоевал, я смерть видел ближе, чем тебя...

Ты воевал, а я по тебе здесь обмирала, у меня руки от горя тряслись, а работать надо было с бодростью, чтоб детей кормить и государству польза против неприятелей-фашистов.

Мать говорила спокойно, только сердце ее мучилось, и Петрушке было жалко мать: он знал, что она научилась сама обувь чинить себе и ему с Настей, чтобы дорого не платить сапожнику, и за картошку исправляла электрические печки соседям.

И я не стерпела жизни и тоски по тебе, говорила мать. А если бы стерпела, я бы умерла, я знаю, что я бы умерла тогда, а у меня дети... Мне нужно было почувствовать что-нибудь другое, Алеша, какую-нибудь радость, чтоб я отдохнула. Один человек сказал, что он любит меня, и он относился ко мне так нежно, как ты когда-то давно...

Это кто, опять Семен-Евсей этот? спросил отец.

Нет, другой человек. Он служит инструктором райкома нашего профсоюза, он эвакуированный...

Ну черт с ним, кто он такой! Так что случилось-то, утешил он тебя?

Петрушка ничего не знал про этого инструктора и удивился, почему он не знал его. Ишь ты, а мать наша тоже бедовая, прошептал он сам себе.

Мать сказала отцу в ответ:

Я ничего не узнала от него, никакой радости, и мне было потом еще хуже. Душа моя потянулась к нему, потому что она умирала, а когда он стал мне близким, совсем близким, я была равнодушной, я думала в ту минуту о своих домашних заботах и пожалела, что позволила ему быть близким. Я поняла, что только с тобою я могу быть спокойной, счастливой и с тобою отдохну, когда ты будешь близко. Без тебя мне некуда деться, нельзя спасти себя для детей... Живи с нами, Алеша, нам хорошо будет!

Петрушка расслышал, как отец молча поднялся с кровати, закурил трубку и сел на табурет.

Сколько раз ты встречалась с ним, когда бывала совсем близкой? спросил отец.

Один только раз, сказала мать. Больше никогда не было. А сколько нужно? Сколько хочешь, дело твое, произнес отец. Зачем же ты говорила, что ты мать наших детей, а женщиной была только со мной, и то давно...

Это правда, Алеша...

Ну как же так, какая тут правда? Ведь с ним ты тоже была женщиной? Нет, не была я с ним женщиной, я хотела быть и не могла... Я чувствовала, что пропадаю без тебя, мне нужно было пусть кто-нибудь будет со мной, я измучилась вся, и сердце мое темное стало, я детей своих уже не могла любить, а для них, ты знаешь, я все стерплю, для них я и костей своих не пожалею!..

Обожди! сказал отец. Ты же говоришь ошиблась в этом новом своем Сеньке-Евсейке, ты никакой радости будто от него не получила, а все-таки не пропала и не погибла, целой осталась.

Я не пропала, прошептала мать, я живу.

Значит, и тут ты мне врешь! Где же твоя правда?

Не знаю, шептала мать. Я мало чего знаю.

Ладно. Зато я знаю много, я пережил больше, чем ты, проговорил отец. Стерва ты, и больше ничего.

Мать молчала. Отец, слышно было, часто и трудно дышал.

Ну вот я и дома, сказал он. Войны нет, а ты в сердце ранила меня... Ну что ж, живи теперь с Сенькой и Евсейкой! Ты потеху, посмешище сделала из меня, а я тоже человек, а не игрушка...